

могут быть сведены лишь к отсутствию соответствующих ресурсов у Византии; следовательно, эти вопросы требуют еще дальнейшего исследования (с. 140—141).

Весьма показательно, что, затрагивая уже во второй главе некоторые аспекты финансового и экономического положения империи в начале XV в. (в частности, применительно к проблеме дани туркам и снабжения зерном Константинополя), автор отводит вопросам экономической политики Византии в 1402—1422 гг. всю третью главу (с. 142—238). Не менее любопытно в данном случае и построение: оно состоит из отдельных параграфов, озаглавленных вопросительными предложениями (например: «Император или правитель? „Экономическая политика“ Маууила в 1403—1422 гг. и ее эффект») и содержащих попытку ответить на эти вопросы или же как-то проиллюстрировать определенные процессы развития византийской экономики и общества в тот период. Здесь следует указать также, что эти экскурсы автора служат в известной мере продолжением его предшествующих исследований на тему «прогресс и реакция» в Византии в середине XIV в. (в частности, в византийском городе)³.

Вполне объяснимо также, что в заключительной главе монографии — «Частное, особенное и всеобщее в истории поздней Византии. Попытка общего итога» (с. 239—273) — автор особый упор делает именно на социально-экономические вопросы, хотя известная нам картина византийского общества в начале XV в. «чрезвычайно противоречива и фрагментарна» (с. 266). И тем не менее, разумеется, нам важнее понять, имела ли перспектива дальнейшего существования империи именно в социально-экономическом плане, поскольку перевес военных сил османов был бесспорен и в начале, и в середине XV в. Общий итог, к которому приходит ученый, таков: действительно, мы имеем дело с процессом упадка Византии в течение ее последнего века, однако упадок этот был не прямолинейным и односторонним, он «иногда и частично был связан с заметным прогрессом» (не только в духовной, но и в социально-экономической сфере), пусть этот временный прогресс и не мог привести к реальному изменению тенденций (с. 270). Более того, стараясь включить всю проблему в контекст истории общеевропейского позднего средневековья, автор полагает, что для гибели Византии решающее значение имело раз-

личие типов общественного развития ее противников, т. е. что «против латинян или османов, вероятно, Византия смогла бы выстоять», но сразу противостоять разным социальным силам не могла (с. 273).

Завершая рассмотрение книги К. П. Мацке, хотелось бы отметить умение автора использовать чрезвычайно обширный и разнообразный материал источников, стремление рассматривать процессы в их сложной диалектике, живой и образный язык. Монография вносит заметный вклад в разработку многоплановых процессов истории Византии в период полученной ею последней «передышки». К числу достоинств книги относится и старание автора тесно связать рассматриваемые события начала XV в. с предшествующей эпохой истории империи (в частности, середины XIV в.), благодаря чему в действительности рамки монографии оказываются более широкими, нежели это вытекает из ее заглавия.

Некоторые положения автора остаются еще гипотетическими (прежде всего ввиду недостатка источников по отдельным вопросам), что он, разумеется, сам осознает и нередко отмечает в книге. Вместе с тем следует отметить и известные пробелы, или недочеты, встречающиеся в монографии. Так, в попытке подведения общего итога применительно к положению византийского крестьянства заметную роль играют суждения о роли и росте «номадизировавшихся» этнических элементов в византийской деревне той поры, о главных категориях крестьян и их повинностях, наконец, о значении османского завоевания для судеб византийских крестьян (с. 255, 257), однако автор ссылается на работу Э. Вернера и его выводы относительно владов; между тем в поздневизантийских владениях, вовсе не охватывавших внутренние районы Балканского полуострова, владхи в начале XV в. вряд ли составляли заметную категорию населения. Далее, если говорить об оценке византийскими деятелями той поры причин Анкарского поражения османов и «передышки» для империи, то, быть может, не следовало так резко разделять сугубо конфессиональные и политические мотивы, определявшие позицию, например, самого императора Маууила и других его современников (с. 14). Конечно, эти замечания несколько не умаляют научной значимости проведенного исследования, которое во многом по-новому освещает нам судьбы Византии в начале XV в.

Е. П. Наумов

³ Ср., например: ВВ, 1980, 41, с. 274—276.

Средневековият български град. София: Българско историческо дружество, 1980.

Представляемый сборник содержит доклады и сообщения, прочитанные на конференции, состоявшейся 4—6 апреля 1979 г. в г. Велико Тырново. Тематически он подразделяется на три части: общие проблемы средневекового болгарского города, проблемы изучения болгарских средневековых столиц и других городов и крепостей.

Первый раздел состоит из теоретических статей, написанных ведущими болгарскими медиевистами, которыми рассматриваются вопросы становления болгарского средневекового города, особенности формирования городских центров в Северной и Южной Болгарии, роль и значение влияния византийской культуры на процесс развития городов страны.

Сборник открывается статьей П. Петрова «Некоторые проблемы средневекового болгарского города». Автор подчеркивает, что только после 9 сентября 1944 г. болгарские исследователи начали изучение вопросов социально-экономического развития Болгарии, приступив к систематическим раскопкам средневековых болгарских памятников. В то же время, пишет П. Петров, пока еще нельзя отметить целостного изучения ни одного средневекового города. А оно необходимо, поскольку «все основные проблемы болгарской истории связаны с городом», в котором была сосредоточена административная, религиозная и культурная жизнь страны; с городом связаны оборона и организация войска, производство вооружения, развитие торговли и ремесла. В соответствии с отмеченными функциями городов выделены основные направления научных изысканий, позволяющие понять город как развивающийся социально-экономический организм. По мнению П. Петрова, город — это поселение, размерами территории и численности населения превышающее остальные селища, это — административный, культурный и церковный центр, часть жителей которого занимается ремеслом и торговлей, при этом не исключаются и такие занятия, как земледелие и скотоводство; городу принадлежит зависимость от него территория, где, помимо сельскохозяйственных занятий, могли существовать ремесла и торговля.

П. Петров говорит о неточной терминологии источников, использующих такие понятия, как «город», «градец», «крепость» и «пристанище», «хисарлык» и «кале». На употребление перечисленных терминов оказали влияние характер описания населенного пункта, осведомленность автора и другие причины, приводившие к тому, что большие города иногда названы в источниках крепостями и наоборот.

В связи с этим одна из центральных задач болгарской урбанистики — функциональное изучение поселений, что позволит выделить те из них, которые по совокупности признаков могут считаться городами. На первое место П. Петров ставит административную функцию, в том числе вопрос о соотношении гражданской и церковной администрации. Другой круг вопросов связан с изучением города как центра ремесла и торговли. Отличия болгарского средневекового города от западноевропейского (более позднее происхождение последнего — XI—XII вв.); многочисленность городов в Болгарии (как и в Византии) в раннее средневековье — все это вызывает необходимость постановки вопроса о характере болгарского города, о том, что являлось базой для его возникновения.

До некоторой степени ответ на последний вопрос содержится в статье Д. Ил. Димитрова «Возникновение городских центров в Северо-Восточной Болгарии». В конце V—первой половине VII в. многие из существовавших в Северо-Восточной Болгарии городов, указывает автор, были разрушены, пострадали и такие крупные города, как Марцианополь и

Одесос. Возникшие в VII в. раннеславянские селища никогда не располагались здесь на месте старых центров. Процесс возникновения болгарских городов начинается только в IX—X вв. Он является результатом экономического развития заселенной в VII в. территории. В связи с этим, подчеркивает Д. Ил. Димитров, мнение, будто Дурострум после его захвата сохраняет свое значение в качестве укрепленного городского центра, не убедительно. Новое население, как показывают материалы раскопок, только в VIII—IX вв. приступает к строительству оборонительных сооружений, по своему плану и конструктивным особенностям не имеющих ничего общего с позднеантичными городскими стенами. Строительство начинается одновременно с возведением монументальных сооружений в Плиске, свидетельствующим о развитии местной строительной традиции.

Другой пример — история Варны. Многолетние исследования территории, которую занимал позднеантичный Одесос, показывают, что после разрушений середины VII в. он прекратил свое существование как городской центр. Жизнь здесь возобновляется только в XI в. Новое население (славяне, праболгары) селится не на территории Одесоса, а в местности так называемой «Варны неподалеку от Одесоса», о чем свидетельствуют Феофан и Никифор. Первоначально на берегу Варненского озера возникает ряд значительных по своим размерам селищ, позднее появляется болгарский укрепленный центр, названный Варна. После возрождения жизни на территории Одесоса в период византийского господства (XI в.) это имя было перенесено и на вновь возникший город.

Исследователь выделяет основные этапы развития болгарского города: первоначально возникли большие укрепленные лагеря, окруженные земляными валами. Они являлись военно-административными центрами, вокруг которых располагались неукрепленные селища. Некоторые из них к первой половине IX в. постепенно превращаются в торгово-ремесленные пункты, в это же время вокруг военно-административных центров возводятся каменные оборонительные сооружения. Мало-помалу отдельные военно-стратегические пункты благодаря развитию ремесла и торговли превращаются в города.

Таким образом, этот процесс, по мнению Д. Ил. Димитрова, не был продолжением старой традиции, хотя позднее, с ростом контактов с соседними странами, прежде всего с Византией, городская жизнь в Болгарии испытывает сильное чужеземное влияние.

Отсутствие преемственности в развитии городов отнюдь не характерно для всей территории исторической Болгарии. Раскопки крепостей Южной Болгарии (раннесредневековые крепости на территории Хасковского округа) позволили Д. Аладжову сделать вывод о развитии болгарской строительной традиции, на которую не могли не оказать влияния достижения ранневизантийской эпохи.

О непрерывном существовании Старой Загоры (Иринополис-Берое) с VI по XII в. пишет Д. Янков. Будучи городским центром, она на протяжении всего рассматриваемого периода развивалась в пределах античных крепостных стен. В политическом отношении значение города определялось тем, что он был расположен в пограничной зоне болгарских и византийских владений и потому неоднократно переходил из рук в руки.

Непрерывность существования города позволили выявить археологические исследования в Пловдиве-Филиппополе; их результаты обобщены в статье Х. Джамбова «Средневековый Пловдив по данным последних археологических раскопок».

О влиянии византийской культуры на городскую жизнь пишет Г. Цанкова-Петкова в статье «Судьба болгарского города в период византийского господства». После захвата болгарских земель, отмечает автор, на смену болгарским правителям областей (комитатов) приходят византийские стратеги, дуки, архонты — греки по национальности. В духовной жизни города развивались тем не менее два направления: официальное, шедшее от византийской церкви и администрации, и народное. По мнению Г. Цанковой-Петковой, в производственной жизни можно проследить прямую континуитет. К сожалению, тезис о городе как экономическом центре не получил развития в статье.

Рассмотрению одной из функций болгарского города посвящены статьи Д. Ангелова «Средневековый болгарский город как церковный центр» и А. Кузева «Развитие городов и создание новых епархий во Втором Болгарском царстве».

Несмотря на значительные успехи в области изучения истории болгарских городов, отмечает Д. Ангелов, сравнительно слабо освещенным остается вопрос об их значении как религиозных центров. Начало тесной связи города и церковных учреждений восходит к IV в. С этого времени город, являясь местом сосредоточения населения, становится центром религиозной пропаганды. После принятия христианства его значение в этом смысле возрастает, о чем свидетельствует массовое строительство культовых зданий: наряду с монументальными постройками для высших слоев общества сооружались храмы для торговцев, ремесленников и земледельцев. Кроме того, отдельные представители аристократии имели свои церкви.

Превращение города в религиозный центр стимулировало развитие ряда обслуживающих церковные нужды ремесел, часть которых сосредоточивается в монастырях. Это позволяет считать монастыри одним из элементов урбанистической и социальной структуры (монастырь в Патлейне у Преслава).

Значение городов как церковных центров сохраняется в период Второго Болгарского царства. Особая роль в этом отношении принадлежит столице — Тырново, где патриарший комплекс расположен в наиболее высокой части городища. Будучи главным религиозным центром, Тыр-

ново становится и центром борьбы против еретических течений.

А. Кузев подчеркивает различия в религиозной политике в этот период в Северной Болгарии, где был создан ряд новых епархий (в Ловече, Червене, Овече), и в Южной, на территории которой Тырновская патриархия не создала новых кафедр, а иные из существовавших старых епархий были урезаны в правах в пользу вновь созданных. В целом границы церковных владений обуславливались политическими задачами Второй Болгарской державы.

О двух направлениях «варваризации», наступившей в результате вторжения печенегов, узов, куманов в XI в., пишет В. Тышкова-Заимова [«Вторая „варваризация“ в Дунайских городах (XI—XII вв.)»]: внешнее — отступление от городских архитектурных традиций в процессе ремонта оборонительных сооружений; внутреннее — влияние вторгшихся племен на культуру и язык болгар, которое не было глубоким и не оставило значительных следов.

Задачи охраны и организации выставок археологических памятников сформулированы в статье Д. Димитровой «Популяризация археологического наследства. Сохранность и экспозиция памятников».

Второй раздел, который включает 15 статей, является обобщением археологических раскопок трех болгарских столиц: Плиски, Преслава, Тырново.

Т. Балабанов («Ремесленное производство и сооружения в Плиске IX—X вв.») отмечает, что в IX—X вв. производственные комплексы существовали во внутреннем городе: это прежде всего металлообрабатывающие ремесла; керамическое же производство было развито значительно слабее. Массовое изготовление керамики осуществлялось в мастерских, расположенных во внешнем городе. Особое значение, по мнению Т. Балабанова, в городской ремесленной жизни принадлежало стеклоделению: в отличие от металлообработки и изготовления керамики, которые имелись на селе, оно было специфически городским ремеслом; продукция стеклоделов поступала главным образом на рынок. Автор статьи полагает, что первые мастера могли быть приглашены из Византии и использовать привозное сырье. Убедителен вывод, согласно которому первая болгарская столица не имела исключительно аграрного характера: в ней были специализированные ремесленные кварталы, различные мастерские, склады для готовой продукции.

Развитию элементов городской планировки в военных укреплениях и резиденциях ханов посвятил свое исследование П. Георгиев («К вопросу о градостроительстве аулов IX в.»): кроме оборонительных стен, указывает он, к числу городских комплексов относятся бани, открытые при с. Хан Крум, Плиске и Преславе.

В статье К. Попконстантинова («Гражданские комплексы в Плиске и Преславе») выделены три вида усадеб: комплекс жилых и хозяйственных помещений, расположенные на земле феодала в окрестностях города; усадьбы, состоявшие из

помещений, которые группировались вокруг двора; группы усадеб, отделенные друг от друга дворами. Наиболее распространены были — как в Плиске, так и в Преславе — трехкамерные двухэтажные постройки, в которых нижний этаж использовался для хозяйственных нужд и хранения продуктов. В то же время в результате раскопок открыты комплексы, план и размеры которых нетипичны. Так, одно из зданий в Преславе состояло из двух залов, окруженных с двух сторон небольшими хозяйственными и жилыми помещениями. Собственником этого строения, напоминающего в плане античную виллу, мог быть феодал.

Наиболее полно вопросы градоустройства Преслава анализируются Д. Овчаровым в статье «Возникновение и оформление Преслава как средневекового города (IX—X вв.)». На материале последних раскопок он опровергает мнение о том, что Преслав возник в конце IX—начале X в. как город, созданный по единому плану. Оформление городской планировки Преслава — итог длительного развития, постепенного роста территории. В подтверждение своей концепции Д. Овчаров прослеживает хронологию строительства оборонительных сооружений, обособляя три этапа, в ходе которых на месте крепости (начало IX в.) вырос город.

Судя по названию, развитием и дополнением материалов Д. Овчарова должно было послужить сообщение С. Бояджиева («Некоторые вопросы градоустройства Великого Преслава»), но автор, говоря о росте городской территории и отмечая, что ранний Преслав имел черты планировки среднеазиатского аула, не подтвердил своих тезисов конкретными данными.

Большой интерес вызывает статья С. Витлянова «Данные об обработке железа в центрах Первого Болгарского царства», в которой собран значительный материал, позволяющий считать, что в Плиске существовали кварталы, где размещались мастерские (ср. со статьей Т. Балабанова); производственные сооружения IX—X вв. были открыты и в Преславе, собственником некоторых из них являлся монастырь.

Большая часть статей второго раздела посвящена Тырново. Среди них следует выделить обобщающие статьи Я. Николовой, А. Попова, Й. Алексиева и И. Йорданова. В статье Я. Николовой «Тырновоград в свете новых археологических раскопок» дана хронология строительства на территории трех холмов (Царевец, Трапезица и Момина крепость). В V—VI—начале VII в. (первый этап) на Царевце существовала византийская крепость. От VIII—X вв. (второй этап) сохранились остатки селища. На третьем этапе сооружается болгарская крепость, ставшая в 1185 г. центром восстания против Византии. В дальнейшем крепость превращается в столичный город, занявший территорию всех трех холмов. Возражая против выводов К. Миятева, считавшего Трапезицу «священной» частью столицы, автор статьи обращает внимание на тот факт, что и этот холм был засе-

ден и окружен оборонительными стенами. Вне стен находилась только часть городской территории, расположенная на западном склоне холма Момина крепость, где проживало, судя по находкам, ремесленное и земледельческое население. Особую часть города составляли кварталы для иноземных купцов, также вынесенные за пределы городских стен.

Развивая положения Я. Николовой, А. Попов («О социально-экономическом облике Тырновграда в XII—XIV вв.») выясняет причины, обусловившие социально-экономическое развитие Тырново. На первое место среди них он ставит то обстоятельство, что с 1185 по 1393 г. город был административно-политическим и духовным центром страны. Отсюда — сосредоточение ремесел в городе, превратившее его в крупнейший экономический центр. Раскопанные в Тырново производственные комплексы (по обработке черных и цветных металлов, изготовлению керамики и другие) и отдельные находки позволяют говорить о стандартизации продукции, что служит показателем товарности производства.

Статья И. Йорданова «Характер монетной циркуляции в средневековых болгарских столицах Преслав и Тырново» обобщает результаты находок монет. Анализ нумизматических данных позволил И. Йорданову прийти к убедительным выводам о том, что Преслав уже во второй половине IX в. представлял собой крупный торговый центр, сохранивший свое значение до 30-х годов XII в., когда приоритет перешел к Тырново. До XII в. включительно в обращении находились византийские монеты, с XIII в. начинается массовый выпуск болгарских, ставших преобладающими на денежном рынке. Большую ценность представляет приложение к статье: сводка находок монет в Преславе и Тырново, в том числе и неопубликованных. В то же время сравнительный анализ данных, приведенных в статьях А. Попова и И. Йорданова, вызывает недоумение, заставляя усомниться в достоверности статистики (см. табл.).

О значении Тырново как торгового центра говорит на основании картографического материала XIII—XIV вв. П. Коледаров («Средневековые карты как источник о Тырново»). В статье дано описание каталонских и арабских карт, которые представляют интерес не только для Тырново, но и для других городов, расположенных на территории Болгарии и в целом в бассейне Черного моря.

История раскопок, начиная с 1879 г. и до настоящего времени, освещена в статье П. Славчева «Археологическое изучение Велико Тырново». Основное внимание уделено раскопкам последних лет, в ходе которых были проведены комплексные исследования гражданских и общественных зданий, что позволило поставить и частично решить вопросы исторической топографии Тырново.

Анализу строительных материалов и строительной техники в средневековом Тырново посвящена статья Т. Овчарова, который отмечает, что тырновская строи-

Т а б л и ц а

Находки единичных монет и монет из кладов в Тырново
(по материалам А. Попова и И. Йорданова)

Место находки	XII в.				XIII в.*				XIV в.			
	ед. нах.		клады		ед. нах.		клады		ед. нах.		клады	
	А. П.**	И. Й.***	А. П.	И. Й.	А. П.	И. Й.	А. П.	И. Й.	А. П.	И. Й.	А. П.	И. Й.
Тырново, дворец	—	17	—	—	—	144	—	62	—	158	708	708
Другие объекты	—	36	—	53	1959	449	4 400	3880	633	405	—	14
Окрестности	—	—	1229	—	—	—	12 000	—	—	—	—	—

* В кладах наряду с монетами XIII в. обнаружены монеты XII в., но, поскольку последние находились в обращении в XIII в., они включены в таблицу как монеты XIII в.; тем не менее, даже если монетные находки из кладов распределить по векам, статистические данные А. Попова и И. Йорданова оказываются не соответствующими друг другу.

** Материалы А. Попова. *** Материалы И. Йорданова.

тельная традиция распространялась по всей стране.

О высоком уровне техники металлообработки и организации производства свидетельствуют раскопки северо-западного склона холма (А. Писарев — «О вновь открытом ремесленном квартале на холме Царевец»).

Впервые в исследованиях по болгарскому средневековому городу ставит вопрос о грамотности его населения И. Алексиев («О грамотности населения в Тырново»). Автор использует для решения проблемы граффити. По его мнению, около трети населения города было грамотным, причем грамотность не только являлась достоянием верхушки общества, но и была распространена среди рядовых граждан, торговцев и ремесленников.

Народному искусству посвящена статья И. Джамбова («Некоторые тенденции в средневековом искусстве XII—XIV вв.»). Изучение керамических находок из Тырново приводит автора к заключению о существовании местной художественной традиции, выразителем которой были народные массы.

Материалы третьего раздела сборника обобщают результаты археологических раскопок раннесредневековых городов и городов XII—XIV вв. Исключение составляют статьи П. Ангелова «София в староболгарской книге (XI—XIV вв.)», где проанализирована житийная и евангелическая литература, а также грамоты болгарских царей, которые позволяют реконструировать некоторые страницы истории Софии, и статья Н. Ковачева «Названия некоторых укрепленных средневековых селищ как источник об этногенезе болгарского народа». Рассмотрев происхождение названий таких населенных пунктов, как Плиска, Преслав, Шумен, Ловеч и другие, автор делает вывод, что в основе названий лежат праболгарский и славянский языковый субстрат. Н. Ковачев не согласен с исследователями, считающими, что в ходе формирования болгарской культуры существовал

непосредственный языковой контакт с фракийским населением.

Основные итоги 23-летних раскопок Шуменской крепости обобщает В. Антонова («Средневековый город Шумен»). После разрушений VII в. Шумен был восстановлен в IX в. и с этого времени входит в систему болгарских крепостей, охранявших торговые пути. С XII в. Шумен развивается как город с двухчленным делением — на внутренний и внешний.

Три этапа в истории Червена выделяет В. Димова («Градоустройство средневекового города Червен»): V в. до н. э. — римский период, VI—XI вв. — ранневизантийская эпоха и XII—XIV вв. — время, когда Червен становится крупным торгово-ремесленным и административным центром.

На материале письменных источников построен вывод И. Андреева о большой роли Овеча в политической истории Болгарии XIII—XIV вв.: город содействовал вовлечению причерноморских областей под юрисдикцию Тырновской патриархии.

Анализу и периодизации строительства оборонительных сооружений посвящены статьи Е. Мановой («Укрепления Никополя»), Г. Джингова («Фортификационная система Калиакры в XIII—XIV вв.»), В. Василева («Средневековая крепость на мысе Чиракман») и М. Димитрова («Раннесредневековый Дионисополь (Карвуна)»).

Истории Велбужда посвящена статья М. Сестримской «Развитие некоторых ремесел в Велбужде в XII—XIV вв.» Археологические материалы позволяют сделать вывод о развитии здесь гончарного ремесла, о сельскохозяйственных занятиях жителей города Велбужда.

Значительную роль Калиакры как экономического и стратегического центра с III в. до н. э. до XVIII в. проследживает Л. Бобчева («Экономическое развитие Калиакры [по данным археологических исследований]»). В XIII—XIV вв. кре-

пость стала торговым центром; его значение возросло с превращением Калиакры в центр Добруджанского деспотства. Археологические материалы свидетельствуют о большой роли земледелия в экономике города; здесь было развито виноградарство, животноводство, рыболовство, охота. Открыты также ж-л-зделательные печи, а находки керамики, с одной стороны, говорят о высоком уровне гончарного ремесла, с другой — о широких торговых связях. Это подтверждают и находки монет тырновского и византийского чекана, а также монет из Сербии, Влахии, Венеции и Генуи.

Об едином социально-экономическом и стратегическом комплексе, в состав которого в XI в. входили Асеновград, селища Станимах и Петра, крепости,

защищавшие их, и Бачковский монастырь пишет Р. Морева («Средневековый город Станимах»). В период Второго Болгарского царства Станимах развивается в типичный средневековый город с двухчленным делением: крепость и предградье с торгово-ремесленным населением.

В целом рассматриваемый сборник статей отражает значительные достижения болгарской медиевистики в изучении города. Анализ материалов раскопок 19 городов и крепостей, расположенных в различных районах исторической Болгарии, дает основание считать, что многие из задач, сформулированные в статье П. Петрова, успешно разрабатываются болгарскими историками.

А. И. Романчук

Язык и стиль византийской метафрастики (Hunger H. Anonyme Metaphrase zu Anna Komnene, Alexias, XI—XIII. Ein Beitrag zur Erschliessung der byzantinischen Umgangssprache. — Wiener Byzantinische Studien, 1981, Bd. XV. 265 S.)

Подобно тому как в начале XX в., в пору эмансипации византистики из лона классической филологии, эллинисты смотрели на всю византийскую литературу несколько свысока, так и в наше время, еще сравнительно недавно, уже сами византисты относились к метафразам византийской литературной «классики» как к материалу второстепенному. В языковом отношении эти произведения считались удержанными и вульгаризованными (vulgärgriechische), в историко-культурном — сокращенными переделками, лобопытными сами по себе как историко-литературный казус, но не более. Однако последние годы отмечены все более пристальным вниманием и интересом именно к таким метафразам, написанным не столько на обедненном, сколько обыденном языке, — языке, близком к повседневной речи, но тем не менее (как показывает новый языковой анализ) литературном, пусть и общеупотребительном. Лингвистам эти сочинения интересны как своего рода звено между удавшейся вуэризмом византийской «классической» литературой (hochsprachliche Literatur) и разговорной, близкой к демотической, речью литературы «народной» (Volksliteratur). Литературоведам же такие метафразы важны, как показатель тенденции к упрощению «элитарных» в лексико-стилевом плане произведений — сочинений Анны Комниной или Никиты Хониата, — с целью, возможно, приближения их к «массовому» читателю, своего рода расширения читательского круга. Подобный социокультурный подход к предмету связан с интересом современных византистов к социальному фону византийского историко-литературного процесса, со стремлением уяснить социальную природу читательской аудитории и общественную направленность авторского творчества.

Оставшиеся в целом за пределами последних фундаментальных трудов по византийской литературе (и «народноязычной», и «высокого стиля») ¹, метафразы

произведений Никифора Влеммида, Никиты Хониата, а теперь и Анны Комниной стали предметом новейших исследований ².

Книга Г. Хунгера, изданная в серии «Венских византиноведческих исследований», содержит детальный сравнительный анализ языка и стиля мемуаров Анны Комниной и анонимной метафразы их XI—XIII книг (т. III, р. 33.19—132.18, по изданию Б. Лейба ³). Сохранившийся текст метафразы впервые издается полностью en regard с текстом Анны. В единственной рукописи метафразы утрачены начало и конец, так что сейчас нельзя сказать, было ли это сочинение переложением только указанных книг Анны или же всего текста «Алексиады». Для датировки метафразы существенна последовательная замена термина Κιλικία у Анны на Ἀρμενία, что могло отражать ситуацию, сложившуюся после изгнания в 1137 г. Иоанном II Комнином Левона Рубенида из Киликии или после признания в конце 50-х годов Торосом вассалитета по отношению к Византии ⁴. Показательно также употребление анонимным метафрастом имени πατρίνοῦς (№ 423) вместо παγάνοῦς: Анны: эта замена могла отражать распространение богомилства из Малой Азии на Запад (сам термин впервые зафиксирован в документе 1179 г.). Нако-

Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1, 2.

² Pignani A. Parafrasi o metafrasi (a proposito della Statua Regia di Niceforo Blemmida)? — Atti Accad. Pontan., 1976, v. 24, p. 219—225; Dieten J.-L. van. Bemerkungen zur Sprache der sog. vulgargriechischen Niketasparaphrase. — Byzantinische Forschungen, 1979, Bd. 6, S. 37—77.

³ Anne Comnène. Alexiadae / Ed. B. Leib. P., 1945. T. 3.

⁴ Характерно, что подобным образом эти этнонимы заменяются и в метафразе «Истории» Никиты Хониата: Dieten J.-L. van. Op. cit., S. 73.

¹ Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971;